

Мария Сергеевна Петровых

Лирика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949845
Лирика: поэзия/Мария Петровых: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57328-8

Аннотация

Литературная судьба Марии Петровых (1908–1979) сложилась нелегко. При жизни она была известна прежде всего как великолепный переводчик, первая и единственная прижизненная книга ее стихов моментально исчезла с книжных прилавков. Посмертные издания также расходились мгновенно. Ее творчество высоко ценили Б. Пастернак, А. Ахматова, О. Мандельштам. Лирика М. Петровых, исполненная драматизма, раскрывает характер сильный и нежный. Многие ее стихи, с тридцатых по семидесятые годы, проникнуты обостренным гражданским чувством и звучат так, словно написаны в наши дни.

Содержание

Скращение частей	4
Великая метель	13
Пламенеющая тишь	35
Черта горизонта	51
Конец ознакомительного фрагмента.	70

М. Петровых

Мария Петровых Лирика

Скрещенье участей

«Кто дает вам право спрашивать...»

Кто дает вам право спрашивать
Нужен Пушкин или нет?
Неужели сердца вашего
Недостаточен ответ?

Если ж скажете – распни его,
Дворянин и, значит, враг,
Если царствия Батыева

Хлынет снова душный мрак,

Не поверим, не послушаем,
Не разлюбим, не дадим —
Наше трепетное, лучшее,
Наше будущее с ним.

25. VIII 35

«СТИХОВ ТЫ ХОЧЕШЬ? ВОТ ТЕБЕ...»

Стихов ты хочешь? Вот тебе —
Прислушайся всерьез,
Как шепелявит оттепель
И как молчит мороз.

Как воробьи, чирикают,
Кропят следками снег
И как метель великая
Храпит в сугробном сне.

Белы надбровья веточек,
Как затвердевший свет...
Февраль маячит светочем
Предчувствий и примет.

Февраль! Скращенье участей,
Каких разлук и встреч!
Что б ни было — отмучайся,
Но жизнь сумей сберечь.

Что б ни было — храни себя.
Мы здесь, а там — ни зги.
Моим зрачком пронизывай,
Моим пыланьем жги,

Живи двойною силою,
Безумствуй за двоих.
Целуй другую милую
Всем жаром губ моих.

1935

«Когда на небо синее...»

Когда на небо синее
Глаза поднять невмочь,
Тебе в ответ, уныние,
Возникнет слово: дочь.

О чудо светлолицее,
И нежен, и высок —
С какой сравнится птицею
Твой легкий голосок!

Клянусь — необозримое
Блаженство впереди,
Когда ты спишь, любимая,
Прильнув к моей груди.

Тебя держать, бесценная,
Так сладостно рукам.
Не комната — вселенная,
Иду — по облакам.

И сердце непомерное
Колышется во мне,
И мир со всею скверною
Остался где-то вне.

Мной ничего не сказано,
Я не сумела жить,
Но ты вдвойне обязана,
И ты должна свершить.

Быть может, мне заранее,
От самых первых дней,
Дано одно призвание —
Стать матерью твоей.

В тиши блаженства нашего
Клянусь себя: не сглазь!
Мне счастье сгинуло заживо
И знать, что ты сбылась.

1937–1938

«Без оглядки не ступить ни шагу...»

Без оглядки не ступить ни шагу.
Хватит ли отваги на отвагу?
Диво ль, что не громки мы, не прытки,
Нас кругом подстерегали пытки.
Снится ворон с карканьем вороньим.
Диво ль, что словечка не пророним,
Диво ль, что на сердце стынет наледь
И ничем уж нас не опечалить.

А отрада лишь в небесной сини,
Да зимой на ветках белый иней,
Да зеленые весною листья...
Мы ль виновны в жалком бескорыстье!
Мы живем не мудрствуя лукаво,
И не так уж мы преступны, право...

Прокляты, не только что преступны!
Велика ли честь, что неподкупны.
Как бы ни страшились, ни дрожали —
Веки опустили, губы сжали
В грозном молчании могильном,
Вековом, беспомощном, всеильном,
И ни нам, и ни от нас прощенья,
Только завещанье на отмщенье.

1939

«Вы – невидаль, вы – злое диво...»

Э.К.

Вы – невидаль, вы – злое диво.
Недаром избегают вас:
Так беспощадно, так правдиво
Бьет свет из ваших темных глаз,
Неустрашимо, через бездны
Наперерез обман разя...
Лукавить с вами бесполезно,
Глаза вам отвести нельзя, —
Ваш разум никому в угоду
Не даст налганное сберечь:
На чистую выводит воду
Презрительным движеньем плеч.

1940

«Когда я склонюсь над твоею кроваткой...»

Когда я склонюсь над твоею кроваткой,
Сердце так больно, так сладко растет,
Стою не дыша и смотрю украдкой
На руки твои, на их легкий взлет.

Я с горькой тоской спозналась глубоко,
В бессоннице я сгорела дотла,
Но ты, ты нежна и голубоока,
Подснежник мой, ты свежа и светла.

Мир твой не тронут горем и злобой,
Страху и зависти доступа нет.
Воздух тебя обнимает особый,
Как будто всегда над тобою рассвет.

Когда я склонюсь над кроваткой твоею,
Сердце растет в непосильной любви,
Смотрю на тебя и смотреть не смею,
И помню одно только слово: живи.

1940

«Ты думаешь, что силою созвучий...»

Ты думаешь, что силою созвучий
Как прежде жизнь моя напряжена.
Не думай так, не мучай так, не мучай, —
Их нет во мне, я как в гробу одна.

Ты думаешь – в неизвестности дремучей
Я заблужусь, отчаянья полна.
Не думай так, не мучай так, не мучай, —
Звезда твоя, она и мне видна.

Ты думаешь: пустой, ничтожный случай
Соединяет наши имена.
Не думай так, не мучай так, не мучай, —
Я – кровь твоя, и я тебе нужна.

Ты думаешь о горькой, неминуемой,
Глухой судьбе, что мне предрешена.
Не думай так: мятется прах летучий,
Но глубь небес таинственно ясна.

1941

«Не взыщи, мои признанья грубы...»

Не взыщи, мои признанья грубы,
Ведь они под стать моей судьбе.
У меня пересыхают губы
От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью —
Жизнью, воплощенной в мольбе,
У меня заходится дыханье
От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
Что живу – сама с собой в борьбе,
Но глаза мне застилают слезы
От одной лишь мысли о тебе.

1941

Великая метель

«Проснемся, уснем ли – война, война...»

Проснемся, уснем ли – война, война.
Ночью ли, днем ли – война, война.
Сжимает нам горло, лишает сна,
Путает имена.

О чем ни подумай – война, война.
Наш спутник угрюмый – она одна.
Чем дальше от битвы, тем сердцу тесней,
Тем горше с ней.

Восходы, закаты – все ты одна.
Какая тоска ты – война, война!
Мы знаем, что с нами
Рассветное знамя,
Но ты, ты, проклятье, – темным-темна.

Где павшие братья, война, война!
В безвестных могилах...
Мы взыщем за милых,
Но крови святой неоплатна цена.

Как солнце багрово! Все ты одна.
Какое ты слово: война, война...
Как будто на слове
Ни пятнышка крови,
А свет все багровей во тьме окна.

Тебе говорит моя страна:
Мне трудно дышать, – говорит она, —
Но я распрямлюсь и на все времена
Тебя истреблю, война!

1942

«Завтра день рожденья твоего...»

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу!
Больше мне не надо ничего.

Ночью здесь такая тишина!
Звезды опускаются на крышу,
Но, как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу.

Неужели ото всех смертей
Откупились мы любовью к детям?
Неужели Родине своей
За себя достойно не ответим?

Это вздор! Не время клевете
И не место ложному смиренью,
Но за что же мы уже не те?
Кто мы в этом диком измеренье?..

Завтра день рожденья твоего.
Друг мой, чем же я его отмечу?
Если бы поверить в нашу встречу!
Больше мне не надо ничего.

1942

«Есть очень много страшного на свете...»

Есть очень много страшного на свете,
Хотя бы сумасшедшие дома,
Хотя бы искалеченные дети,
Иль в города забредшая чума,
Иль деревень пустые закрома,
Но ужасы ты затмеваешь эти —
Проклятье родины моей – тюрьма.

О, как ее росли и крепили стены —
В саду времен чудовищный побег,
Какие жертвы призраку измены
Ты приносить решался, человек!..
И нет стекла, чтобы разрезать вены,
Ни бритвы, ни надежды на побег,
Ни веры – для того, кто верит слепо,
Упорствуя судьбе наперекор,
Кто счастлив тем, что за стенами склепа
Родной степной колышется простор,
Скупой водой, сухой коркой хлеба
Он счастлив – не убийца и не вор,
Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,
Оправдывая ложный приговор.

Конечно, страшны вопли дикой боли
Из окон госпиталя – день и ночь.
Конечно, страшны мертвецы на поле,
Их с поля битвы не уносят прочь.
Но ты страшней, безвинная неволя,
Тебя, как смерть, нет силы превозмочь.
А нас еще ведь спросят – как могли вы
Терпеть такое, как молчать могли?
Как смели немоты удел счастливый
Заранее похитить у земли?..
И даже в смерти нам откажут дети,
И нам еще придется быть в ответе.

1938–1942

Севастополь

Бело-синий город Севастополь,
Белокрылый город в синеве...
Моря ослепительная пыль
В скверах оседала на траве.

Город с морем сомкнуты в содружье,
Синей соли съедены пуды.
Дымной славой русского оружия,
Пушечным дымком несло с воды.

Белый камень в голубой оправе,
Ты у недруга в кольце тугом.
Город русской доблести, ты вправе
Горевать о времени другом.

Шрам широкий над крутою бровью
Ты через столетие пронес,
А теперь лежишь, залитый кровью,
И морских не осушаешь слез.

Слезы эти – зарева кровавей —
Отольются гибелью врагу...
Белый пепел в голубой оправе
На осиротевшем берегу!

Тяжко, Севастополь, о как тяжело!
Где ж прославленная на века
Белая матросская рубашка,
Праздничная синь воротника!

Плачь о тех, кто смертной мглой объаты,
Чьи могилы волнами кругом...
Ты еще начнешься, но себя ты
Не узнаешь в облике другом.

1942?

«Ветер воет, ветер свищет...»

Ветер воет, ветер свищет —
Это ничего.
Поброди на пепелище
Сердца моего.

Ты любил под лунным светом
Побродить порой.
Ты недаром был поэтом,
Бедный мой герой.

Я глазам не верю — ты ли,
Погруженный в сон,
Преклонившийся к Далиле
Гибнущий Самсон.

То ль к Далиле, то ль к могиле,
Только не ко мне,
Не к моей невольной силе,
Выросшей в огне,

Взявшейся на пепелище
Сердца моего,
Там, где только ветер свищет,
Больше ничего.

1942

«Год, в разлуке прожитый...»

Год, в разлуке прожитый,
Близится к весне.
Что же ты, ах, что же ты
Не придешь ко мне!

Мне от боли старящей
Тесно и темно,
В злой беде товарища
Покидать грешно.

Приходи, не думая,
Просто приходи.
Что ж тоску угрюмую
Пестовать в груди!

Все обиды кровные
Замела пурга.
Видишь – поле ровное,
Белые снега.

1942

Апрель 1942 года

Свирепая была зима,
Полгода лютовал мороз.
Наш городок сходил с ума,
По грудь сугробами зарос.
Казалось, будет он сметен —
Здесь ветры с четырех сторон,
Сквозь город им привольно дуть,
Сшибаясь грудь о грудь.
Они продрогший городок
Давно бы сдули с ног,
Но разбивалась в прах пурга
О тяжкие снега.
И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьем бежит ручей.
Скворцы звенят наперебой,
И млеет воздух голубой.
И если б только не война,
Теперь была б весна.

1942

«Не плачь, не жалуйся, не надо...»

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь.
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

Сбрось пламенное покрывало,
И платье наскоро надень,
И уходи куда попало
В разгорячающийся день.

Тобой овладевает солнце.
Его неодолимый жар
В зрачках блеснет на самом донце,
На сердце ляжет, как загар.

Когда в твоём сольется теле
Владычество его лучей,
Скажи по правде – неужели
Тебя ласкали горячей?

Поди к реке и кинься в воду,
И, если можешь, – поплыви.
Какую всколыхнешь свободу,
Какой доверишься любви!

Про горе вспомнишь ты едва ли,
И ты не назовешь – когда
Тебя нежнее целовали
И сладостнее, чем вода.

Ты вновь желанна и прекрасна,
И ты опомнишься не вдруг
От этих ласково и властно
Струящихся по телу рук.

А воздух? Он с тобой до гроба,
Суровый или голубой,
Вы счастливы на зависть оба —
Ты дышишь им, а он тобой.

И дождь придет к тебе по крыше,
Все то же вразнобой долбя.
Он сердцем всех прямей и выше,
Всю ночь он плачет про тебя.

Ты видишь – сил влюбленных много.
Ты их своими назови.
Неправда, ты не одинока
В твоей отвергнутой любви.

Не плачь, не жалуйся, не надо,
Слезами горю не помочь,
В рассвете кроется награда
За мученическую ночь.

1942

«Глубокий, будто темно-золотой...»

Глубокий, будто темно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза,

Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо ровный, как прибой,
Незапечатлеваемый пером —
Звук сердца, ставшего моей судьбой.

24/VIII. 1942

«Лишь в буре – приют и спасение...»

Лишь в буре – приют и спасение,
Под нею ни ночи, ни дня.
Родимые ветры осенние,
Хоть вы не оставьте меня!

Вы пылью засыпьте глаза мои,
И я распознать не смогу,
Что улицы все те же самые
На том же крутом берегу,

Что город все тот же по имени,
Который нас видел вдвоем...
Хотя бы во сне – позови меня,
Дай свидеться в сердце твоём!

1942

«Я думала, что ненависть – огонь...»

Я думала, что ненависть – огонь,
Сухое, быстродышащее пламя,
И что промчит меня безумный конь
Почти летя, почти под облаками...
Но ненависть – пустыня. В душной, в ней
Иду, иду, и ни конца, ни края,
Ни ветра, ни воды, но столько дней
Одни пески, и я трудней, трудней
Иду, иду, и, может быть, вторая
Иль третья жизнь сменилась на ходу.
Конца не видно. Может быть, иду
Уже не я. Иду, не умирая...

29/XI. 1942

«МЫ СМЫСЛОМ ЮНОСТИ ВЛЕКОМЫ...»

Мы смыслом юности влекомы
В простор надземной высоты —
С любой зарницею знакомы,
Со всеми звездами на «ты».

Земля нам кажется химерой
И родиною – небеса.
Доходит к сердцу полной мерой
Их запредельная краса.

Но на сердце ложится время,
И каждый к тридцати годам
Не скажет ли: я это бремя
За бесконечность не отдам.

Мы узнаём как бы впервые
Леса, и реки, и поля,
Сквозь переливы луговые
Нам улыбается земля.

Она влечет неодолимо,
И с каждым годом все сильней.
Как женщина неуголима
В жестокой нежности своей.

И в ней мы любим что попало,
Забыв надземную страну, —
На море грохотанье шквала,
Лесов дремучих тишину,

Равно и грозы, и морозы,
Равно и розы, и шипы,
Весь шум разгоряченной прозы,
Разноголосый гул толпы.

Мы любим лето, осень, зиму,
Еще томительней – весну,
Затем, что с ней невыносимо
Земля влечет к себе, ко сну.

Она отяжеляет налечь
Опавших на сердце годов
И успокоится тогда лишь
От обольщающих трудов,

Когда в себя возьмет всецело.
Пусть мертвыми – ей все равно.
Пускай не душу, только тело...
(Зачем душа, когда темно!)

И вот с единственною, с нею,
С землей, и только с ней вдвоем
Срастаться будем все теснее,
Пока травой не изойдем.

[1942]

«Не нынче ль на пороге...»

Не нынче ль на пороге,
От горя как в бреду,
Я почтальону в ноги
С мольбою упаду.

«Одно письмо среди прочих
У вас, наверно, есть.
Там на конверте почерк
Мужской, прямой, как честь.

Мой адрес на конверте,
Письмо мне из Москвы.
Поверьте мне, поверьте,
Его найдете вы!..»

Старик, с мальчишкой схожий,
Быть может, поворчит,
Но, человек хороший,
Он мне письмо вручит.

Любую запятую
Целую без стыда,
В письме твоём прочту я,
Что любишь навсегда.

Ты пишешь: будь спокойна,
Клянешься, что придешь...
Презренно, недостойно,
Блаженно верю в ложь.

Возможно ль быть несчастней?
Я жду тебя весь год,
Как смертник перед казнью
Помилованья ждет.

Чистополь

Город Чистополь на Каме...
Нас дарил ты чем богат.
Золотыми облаками
Рдел за Камою закат.
Сквозь тебя четыре ветра
Насмерть бились день и ночь.
Нежный снег ложился щедро,
А сиял – глазам невмочь.
Сверхъестественная сила
Небу здешнему дана:
Прямо в душу мне светила
Чистопольская луна,
И казалось, в мире целом
Навсегда исчезла тьма.
Сердце становилось белым,
Сладостно сходя с ума.
Отчужденностью окраски
Живо все и все мертво —
Спит в непобедимой сказке
Город сердца моего.
Если б не росли могилы
В дальнем грохоте войны,
Как бы я тебя любила,
Город, поневоле милый,
Город грозной тишины!
Годы чудятся веками,
Но нельзя расстаться нам —
Дальний Чистополь на Каме,
На сердце горящий шрам.

1943, март

«У меня большое горе...»

У меня большое горе,
И плакать не могу.
Мне бы добрести до моря,
Упасть на берегу.

Не слезами ли, родное,
Плещешь через край?
Поделись хоть ты со мною,
Дай заплакать, дай!

Дай соленой, дай зеленой,
Золотой воды,
Синим солнцем прокаленной,
Горячей моей беды.

Я на перекресток выйду,
На колени упаду.
Дайте слез омыть обиду,
Утолить беду!

О животворящем чуде
Умоляю вас:
Дайте мне, родные люди,
Выплакаться только раз!

Пусть мольба моя нелепа,
Лишь бы кто-нибудь принес, —
Не любви прошу, не хлеба, —
Горсточку горячих слез...

Я бы к сердцу их прижала,
Чтобы в кровь мою вошло
Обжигающее жало,
От которого светло.

Словно от вины тягчайшей,
Не могу поднять лица...
Дай же кто-нибудь, о, дай же
Выплакаться до конца,

До заветного начала,
До рассвета на лугу...
Слишком больно я молчала,
Больше не могу.

Июль 1943

«Мы начинали без заглавий...»

Мы начинали без заглавий,
Чтобы окончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Я думаю о тех, которым
Раздоры ль вечные с собой
Иль нелюбовь к признаньям скорым
Мешали овладеть судьбой.

Не в расточительном ли детстве
Мы жили раньше? Не во сне ль?
Лишь в грозный год народных бедствий
Мы осознали нашу цель.

И можем быть сполна в ответе
За счастье встреч и боль потерь...
Мы тридцать лет росли как дети,
Но стали взрослыми теперь.

И яростную жажду славы
Всей жизнью утолить должны,
Когда Россия пишет главы
Освобождающей войны, —

Без колебаний, без помарок —
Страницы горя и побед,
А на полях широких ярок
Пожаров иступленный свет...

Живи же, сердце, полной мерой,
Не прячь на бедность ничего
И непоколебимо веруй
В звезду народа твоего.

Теперь спокойно и сурово
Ты можешь дать на все ответ,
И скажешь ты два кратких слова,
Два крайних слова: да и нет.

А я скажу: она со мною,
Свобода грозная моя!
Совсем моей, совсем иною
Жизнь начинается, друзья!

1943

«Любовь, о любовь, ты опять, опять...»

Любовь, о любовь, ты опять, опять!
Следя за губами твоими,
Я против желанья начну повторять
Такое чужое имя.

О стыд! Мне бы надо глаза отвести
От пламени этих глаз
И – сил не хватило. Сердце, прости,
Жажда замучит нас.

Куда же мне деться, – скажи, научи,
Ответь – что же делать мне
В не знающей сна раскаленной ночи,
В не знающем радости дне?..

Уснуть бы, проснуться и – сняло рукой,
Снова родной покой.

Все это правда, все это ложь,
Но их ведь не разберешь.

Я счастья хочу, и смеется оно:
Мол, я не тебе суждено,

А ты притворись, притворись навсегда,
Что ты холодна и горда.
Ты это умела? Сумей же и впредь
В притворстве прожить и во лжи умереть.

1943

Ночь на 6 августа

В каком неистовом молчанье
Ты замерла, притихла, ночь!..
Тебя ни днями, ни ночами
Не отдалить, не превозмочь.

Взволнованною тишиною
Объята из конца в конец,
Ты внемлешь надо всей страной
Биенью всех ее сердец.

О, как же им была близка ты,
Когда по небу и земле
Промчались первые раскаты
О Белгороде и Орле.

Все вдохновенней, все победней
Вставали громы в полный рост,
Пока двенадцатый, последний,
Не оказался светом звезд.

И чудилось, что слезы хлынут
Из самой трудной глубины, —
Они хоть на мгновенье вынут
Из сердца злую боль войны!

Но время это не настало,
Лишь близко-близко подошло.
Ты не впустую, ночь, блистала —
Нам от тебя и днем светло.

В нас тайный луч незатемнимый
Уже до дрожи напряжен.
Ты стала самою любимой,
Не подберешь тебе имен.

1943

Пламенеющая тишь

«Какое уж тут вдохновение – просто...»

Какое уж тут вдохновение – просто
Подходит тоска и за горло берет.
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черед,
Решающих разом – петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор
Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает – то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва.
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва поспевая, ты запись ведешь,
Боясь пропустить иль запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь, не слыша, не видя,
В блаженном бреду не страшась чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.

1943

«Хоть не лелей, хоть не голубь...»

Хоть не лелей, хоть не голубь,
Хоть позабуди о нем —
Оно пускает корни вглубь,
И это день за днем.

То, что запало нам в сердца,
Как хочешь назови,
Но только нет ему конца,
Оно у нас в крови.

Все больше мы боимся слов
И верим немоте.
И путь жесток, и век суров,
И все слова не те.

А то, о чем молчим вдвоем,
Дано лишь нам двоим.
Его никак не назовем,
Но неразлучны с ним.

«Говорят, от судьбы не уйдешь...»

Говорят, от судьбы не уйдешь.
Ты над этим смеешься? Ну что ж,
Покажи мне, любимый, звезду,
По которой тебя не найду,
Покажи мне, любимый, пути,
На которых тебя не найти,
Покажи мне, любимый, коня,
Которым объедешь меня.

1943

«Жил тигренок, числясь в нетях...»

Жил тигренок, числясь в нетях,
Это хитрому с руки,
Чтоб забыли: в лапках этих
Подрастают коготки.

Если будут люди трогать,
Мучить или целовать —
Покажи точеный коготь,
Раз и навсегда отвадь.

Пусть летит тебе вдогонку
Восхищенье и хула.
Выходить пора тигренку
На серьезные дела.

8 апр. 1943

«Но в сердце твоём я была ведь...»

- Но в сердце твоём я была ведь?
- Была:
Блаженный избыток, бесценный излишек...
- И ты меня вытоптал, вытравил, выжег?..
- Дотла, дорогая, дотла.

- Неправда. Нельзя истребить без следа.
Неясною тенью, но я же с тобою,
Сквозь горе любое и счастье любое
Невольно с тобою – всегда.

1943

«Молчи, я знаю, знаю, знаю...»

Молчи, я знаю, знаю, знаю.
Я точно, по календарю,
Припомню все, моя родная,
И за тебя договорю.

О скрытая моя соседка,
Бедой объятая душа!
Мы слишком часто, слишком редко
Встречаемся, всегда спеша.

Приди от горя отогреться.
Всем сердцем пристальным моим
Зову тебя: скорее встретиться,
Мы и без слов поговорим.

Заплачь, заплачь! Ведь я-то знаю,
Как ночь бродить по пустырю.
До счастья выплачься, родная,
Я за тебя договорю.

1943

Поэту-горцу

К.К.

Когда ты стиснешь кулаки и зубы,
Склоняя голову, – ты так хорош!
Гляжу и повторяю: любо, любо!
(Ты тихих слов не разберешь.)
Когда ж ты руки распахнешь и ветром
Меня охлынет с горной высоты,
Таким широким, прямодушным, щедрым, —
О, как тогда прекрасен ты!

1943

Осенние леса

1

Боже, как светло одеты,
В разном – в красном, в золотом!
На лесах сказалось лето
В пламени пережитом.

Солнце душу в них вложило —
Летней радуги красу.
Семицветное светило
Рдеет листьями в лесу.

Отрешившийся от зноя,
Воздух сразу стал чужим.
Отстранивший все земное,
Он высок и недвижим.

А в лесах – за дивом диво.
Им не надо никого,
Как молитва, молчаливо
Легких листьев торжество.

Что́ красе их вдохновенной
Близкий смертный снежный мрак...
До чего самозабвенны,
Как бесстрашны – мне бы так!

2

Грустила я за свежими бревенчатыми стенами,
Бродила опустевшими лесами несравненными,
И светлыми дубровами, и сумрачными чащами,
От пурпура – суровыми, от золота – молчащими.
Я увидала озими, как в раннем детстве, яркими, —
Великодушной осени весенними подарками.
В неполитом, в неполотом саду твоём стояла я...
Пылают листья золотом, любой – как солнце малое:
Что видывали за лето от зноя неустанного —
По самый стебель на́лито и оживает заново.
Ни шелеста, ни шороха – пройди всю глушь окрестную,
Лишь смутный запах пороха томит кору древесную.

Какими днями тяжкими нам эти чащи дороги!
За этими овражками стояли наши вороги.
Ломились в наши светлые заветные обители,
И воды ясной Сетуни их темный образ видели.
Настигнутые пулями, о вольной воле певшими,
В свой праздник недогулянный, детоубийцы, —
где ж они?..
Лишь смутный запах пороха хранит кора древесная.
Ни шелеста, ни шороха — тиха краса окрестная.
Как в утро это раннее, что разгорится досиня,
Мне по сердцу стояние самозабвенной осени!..
А ночь обступит звездами — дремучая, прозрачная.
Одно к другому созданы — и мрак, и свечи брачные...
Земля моя чудесная, что для тебя я сделаю,
Какой прослаблю песнею все светлое, все смелое,
И тишину рассветную, и жизнь вот эту самую,
И вас, друзья заветные, заветные друзья мои!..

3

Не наглядеться, не налюбоваться
На эту пламенеющую тишь,
Столь властную, что некуда податься,
И вместе с ней стоишь, горишь, молчишь.

Как памятник, надгробье страстотерпцам,
Что отстояли этот день большой
Единственным неповторимым сердцем,
Таинственной единственной душой,

Как жертвенник, неистово горящий
Во имя тех, которых молим жить, —
Высокая и пламенная чаша,
Ее огня вовек не потушить.

Здесь прошлые, здесь будущие годы,
И чудится — впервые жизнь полна
Столь просветленным воздухом свободы
От звезд небесных до морского дна.

И беззаветно жить бы мне отныне,
Самозабвенным воздухом дыша,
Чтоб сердце стало крепче этой сини
И чище этой осени душа.

1943

Прощанье

Вот на этом самом месте
В этой комнате чужой
Мы прощались. Были вместе,
Не рассечь – душа с душой.

В эту комнату чужую
Я теперь вхожу одна.
Холодея, дохожу я
До тогдашнего окна.

Вот на этом самом месте,
Вот у этого стола,
Мы прощались. Были вместе.
Вместо смерти жизнь была.

А теперь в тиши зловещей
Взгляд вещей невыносим,
А теперь исходят вещи
Прежним голосом твоим.

Говоришь ты: – Не бывало,
Что сбывается со мной!
Обвилась, околдовала,
Стала до смерти родной,

Заповедной, сокровенной,
Тайной сердца моего,
Друг мой вечный, мой мгновенный,
Ты счастливее всего!.. —

Это ж песня! Это – ты же...
И в ответ едва-едва,
Неразборчивее, тише,
Слышатся мои слова:

– Силою тысячелетней
Сердце одарило нас...
Ты скажи хоть в миг последний,
В первый и последний раз, —

Ведь за дверью жизнь иная, —
Время ехать на вокзал, —
Знаешь, как люблю я?
– Знаю, —
Воздух дрогнувший сказал.

Не твоим ли каждым словом
Озарен мой трудный путь!
Став дыханьем, хлебом, кровом,
Слово может все вернуть:

Как-нибудь обронишь слово,
Ставшее моей душой, —
И окажешься ты снова
В этой комнате чужой.

1943

«Ревет, и воет, и дымится...»

Ревет, и воет, и дымится
Вспять обращенная волна.
К прочерченной штыком границе
Откатывается война.
Сдержи дыхание, – там вершится
Твоя судьба, моя страна!
На недоконченной странице
Дымятся кровью письма.

Как шумно смерть в лицо дышала!
Как трудно с нею грудь о грудь!
Концом прикинулось начало,
Казалось – не передохнуть.
Нам воздуха не доставало
На грозный, на прощальный путь,
И только кровь в висках стучала:
Бессмертен будь, бессмертен будь...

Когда же сердце охватила
Непоправимая беда,
Очнулась в нас иная сила,
Иная повела звезда:
Нас ненависть огнем вспоила,
Он был как ясная вода...
Врагов укроет лишь могила,
И та исчезнет без следа.

1943

«Знаю, что ко мне ты не придешь...»

Знаю, что ко мне ты не придешь,
Но поверь, не о тебе горюю:
От другого горя невтерпеж,
И о нем с тобою говорю я.

Милый, ты передо мной в долгу.
Вспомни, что осталось за тобою.
Тымнедолжен – должен! – янелгу—
Воздух, солнце, небо голубое,

Шум лесной, речную тишину —
Все, что до тебя со мною было.
Возврати друзей, веселье, силу,
И тогда уже – оставь одну.

5–6 авг. 1943

«Но разве счастье взять руками голыми...»

Но разве счастье взять руками голыми? —
Оно сожжет.
Меня швыряло из огня да в полымя
И вновь — об лед.
И в кровь о камень сердца несравненного —
До забытья...
Тебя ль судить — бессмертного, мгновенного,
Судьба моя!

17. III. 1945

«Что же это за игра такая...»

Что же это за игра такая?..
Нет уже ни слов, ни слез, ни сил...
Можно разлюбить – я понимаю,
Но приди, скажи, что разлюбил.
Для чего же эти полувзгляды?
Нежности внезапной не пойму.
Отвергая, обнимать не надо.
Разве не обидно самому?
Я всегда дивлюсь тебе как чуду.
Не найти такого среди людей.
Я до самой смерти не забуду
Беспощадной жалости твоей...

1949

«Люби меня. Я тьма кромешная...»

Люби меня. Я тьма кромешная.
Слепая, путаная, грешная.
Но ведь кому, как не тебе,
Любить меня? Судьба к судьбе.
Гляди, как в темном небе звезды
Вдруг проступают. Так же просто
Люби меня, люби меня,
Как любит ночь сиянье дня.
Тебе и выбора-то нет:
Ведь я лишь тьма, а ты лишь свет.

Черта горизонта

«Назначь мне свиданье...»

Назначь мне свиданье
на этом свете.
Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!
Назначь мне свиданье
в том городе южном,
Где ветры гоняли
по взгорьям окружным,
Где море пленяло
волной семицветной,
Где сердце не знало
любви безответной.
Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
Меж домиков тесных,
по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.
Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке
Жестянки и склянки
сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чем-то прекрасном.
Тропинка все выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
Числа я не знаю,
но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.
Пусть годы умчатся в круженье обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном...
Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.
Друг другу навстречу
по-прежнему выйдем,
Пока еще слышим,
Пока еще видим,
Пока еще дышим,
И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю:
назначь мне свиданье!
Назначь мне свиданье,

хотя б на мгновенье,
На площади людной,
под бурей осенней,
Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

1953, Дубулты

«Новый год тайком, украдкой...»

Новый год тайком, украдкой
Проскользнул в притихший дом,
Гостя с этакой повадкой
Узнаешь пока с трудом.

Мы сжились со старым годом,
Был он скромнень, был он прост,
Был накоротке с народом,
Не хватая с неба звезд.

Понимал людские нужды,
Помнил давнюю беду.
И, придирчивости чуждый,
Помогал нам на ходу.

Правда, не был он поэтом,
И воображенья жар
Не пьянил его, но в этом
Был его особый дар...

Новый год явился тихо
И пока лишен примет,
Так неслышно входит лихо,
Так рождается рассвет.

Что ж теснишься в двери боком,
Как раскаянье иль ложь?
Ты сказал бы хоть намеком —
Что за пазухой несешь?

Хочешь с нас великой дани
Или малой будешь рад?
Покажи хоть очертанья
Новых бедствий и утрат!..

А быть может... ах, быть может,
Мученикам немоты —
Тем, чей век впустую прожит,
Обернешься счастьем ты.

С чистым сердцем в полный голос
Их заставишь говорить
И от правды ни на волос
Не позволишь отступить...

1954/1955

«Зима установилась в марте...»

Зима установилась в марте
С морозами, с кипеньем вьюг,
В злорадном, яростном азарте
Бьет ветер с севера на юг.

Ни признака весны, и сердце
Достигнет роковой черты
Во власти губительных инерций
Бесчувствия и немоты.

Кто речь вернет глухонемому?
Слепому – кто покажет свет?
И как найти дорогу к дому,
Которого на свете нет?

Март 1955

Сказка

Очарованье зимней ночи,
Вспоминанья детских лет...
Пожалуй, был бы путь короче
И замело бы санный след,

Но от заставы Ярославской
До Норской фабрики, до нас,
Двенадцать верст морозной сказкой
Под звездным небом в поздний час...

Субботним вечером за нами
Прислали тройку. Мы с сестрой
Садимся в сани. Над санями
Кружит снежинок легкий рой.

Вот от дверей начальной школы
Мы тронулись. На облучке —
Знакомый кучер в долгополой
Овчинной шубе, в башлыке.

И вот уже столбы заставы,
Ее двуглавые орлы.
Большой больничный сад направо...
Кусты черны, снега белы,

Пустырь кругом, строенья редки.
Темнее ночь, сильнее мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатерининских берез.

А лошади рысцою рядом
Бегут... Почтенный коренник
Солидно вскидывает задом.
Он строг и честен, он старик.

Бежит, бряцая селезенкой.
Разумный конь, а с двух сторон
Шалют пристяжки, как девчонки,
Но их не замечает он.

Звенит бубенчик под дугою,
Поют полозья в тишине,
Но что-то грезится другое
В замороженном полусне.

На горизонте лес зубчатый,
Таинственный волшебный лес.
Там, в чаще, – угол непочатый
Видений, страхов и чудес.

Вот королевич серым волком
Подходит к замку на горе...
Неверный свет скользит по елкам,
По черным елкам в серебре.

Спит королева непробудно,
И замок в чарах забытья.
Самой себе признаться трудно,
Что королева – это я...

Настоян на морозе воздух
И крепок так, что не вздохнуть.
И небо – в нелюдимых звездах,
Чужая, нежилая жуть.

Все на земле роднее, ближе.
Вот телеграфные столбы
Гудят все то же, а поди же —
Ведь это песня ворожбы.

Неодолимая дремота
В том звуке, ровном и густом...
Но вот фабричные ворота,
Все ближе, ближе, ближе дом.

Перед крылечком санный полоз
Раскатывается, скользя,
И слышен из прихожей голос,
Который позабыть нельзя.

15 авг. 1955

«За окном шумит листва густая...»

За окном шумит листва густая —
И благоуханна, и легка,
Трепеща, темнея и блистая
От прикосновенья ветерка.

И за нею — для меня незримы,
Рядом, но как будто вдалеке, —
Люди, что всегда проходят мимо,
Дети, что играют на песке.

И шоссе в движенье непрерывном,
И ваганьковская тишина.
Я от них волненьем и блистаньем,
Трепетом живым отрешена...

Вянет лето, превращаясь в осень.
Август отошел, и вот, спеша,
Ветер листья рвет, швыряет оземь,
Откровенным холодом дыша.

И в окне, наполнившемся светом, —
Все, что близко, все, что далеко,
Все как есть, что было скрыто летом,
Вдруг возникло четко и легко.

Если чудо — говори о чуде,
Сочетавшем радость и печаль.
Вот они — невидимые люди!
Вот она — неведомая даль!

20/VIII 55

«Что ж, если говорить без фальши...»

Что ж, если говорить без фальши,
Ты что ни день – отходишь дальше,
Я вижу по твоим глазам
И по уклончивой улыбке,
Я вижу, друг мой, без ошибки,
Что нет возврата к чудесам.
Прощай. Насильно мил не будешь,
Глухого сердца не разбудишь.
Я – камень на твоём пути.
Ты можешь камень обойти.
Но я сказать хочу другое:
Наверно, ты в горах бывал,
И камень под твоей ногою
Срывался, падая в провал.

1955

«Не беда, что жизнь ушла...»

Не беда, что жизнь ушла,
Не беда, что навсегда,
Будто я и не жила,
А беда, что без следа,
Как в песок вода.

1955, авг.

Надпись на портрете (Мадригал)

Я вглядываюсь в ваш портрет
Настолько пристально и долго,
Что я, быть может, сбита с толку
И попросту впадаю в бред,

Но я клянусь: ваш правый глаз
Грустней, внимательнее, строже,
А левый – веселей, моложе
И больше выражает вас,

Но оба тем и хороши,
Что вы на мир глядите в оба,
И в их несхожести особой —
Таинственная жизнь души.

Они мне счастья не сулят,
А лишь волненье без названья,
Но нет сильней очарованья,
Чем ваш разноречивый взгляд.

1956

«Какой обильный снегопад в апреле...»

Какой обильный снегопад в апреле,
Как трудно землю покидать зиме!
И вновь зима справляет новоселье,
И вновь деревья в снежной бахrome.

Под ярким солнцем блещет снег весенний.
Взгляни, как четко разлинован лес:
Высоких сосен правильные тени
По белизне легли наперерез.

Безмолвие страницы разграфленной
Как бы неволит что-то написать,
Но от моей ли немоты бессонной
Ты слова ждешь, раскрытая тетрадь!

А под вечер предстал передо мною
Весь в перечёрках черновик живой,
Написанный осыпавшейся хвоей,
И веточками, и сухой листвой,

И шишками, и гарью паровозной,
Что ветром с полустанка нанесло,
А почерк – то веселый, то серьезный,
И подпись различаю, и число.

Не скрыть врожденный дар – он слишком ярок,
Я только позавидовать могу,
Как, не страшась ошибок и помарок,
Весна стихи писала на снегу.

1956

«Смертный страх перед бумагой белой...»

Смертный страх перед бумагой белой...
Как его рассеять, превозмочь?
Как же ты с душою оробелой
Безоглядно углубишься в ночь?

Ни дымка, ни звука – тьма и снег.
Только тьма и снег в степи бескрайней.
Ни звезды, ни вехи – только тайна,
Только ночь и только человек.

Он идет один, еще не зная,
Встретится ль в дороге огонек.
Впереди лишь белизна сплошная,
И сплошная тьма, и путь далек.

Он идет, преодолая вьюгу,
И безлюдье, и ночную жуть,
И нельзя пожаловаться другу,
И нельзя в пути передохнуть.

Впереди ночной простор широкий,
И пускай в снегах дороги нет,
Он идет сквозь вьюгу без дороги
И другому пролагает след.

Здесь, быть может, голову он сложит...
Может быть, идущий без пути,
Заплутает, сгинет, но не может,
Он уже не может не идти.

Где-то ждет его душа живая.
Чтоб ее от горя отогреть,
Он идет, себя позабывая...
Выйди на крыльцо и друга встретить.

1956

«Дни мелькают – чет и нечет...»

Дни мелькают – чет и нечет,
Жизнь осталась позади.
Что же сердце рвет и мечет,
Задышается в груди?

Слышать слов моих не хочет, —
Будто в рану сыплю соль.
Днем и ночью сердце точит
Злая дума, злая боль.

Знает сердце о причине
Всех скорбей моих и бед,
О смиренье, о гордыне
И что мне спасенья нет.

Но оно по горло сыто
Ложью всяческих прикрас,
И оно со мной открыто
Говорит не в первый раз,

Чтобы я, ему доверясь,
Не страшилась жить в глуши
И смелей порола ересь,
Если ересь от души.

Говорит не рифмы ради,
Не для красного словца,
Говорит не на эстраде, —
На исходе, у конца.

1956

«Бредешь в лесу, не думая, что вдруг...»

Бредешь в лесу, не думая, что вдруг
Ты станешь очевидцем некой тайны,
Но все открыл случайный взгляд вокруг —
Разоблачения всегда случайны.

В сосновой чаще плотный снег лежит —
Зима в лесу обосновалась прочно,
А рядом склон сухой листвой покрыт —
Здесь осени участок неурочный.

Шумят ручьи, бегут во все концы, —
Весна, весна! Но в синеве прогретой
Звонят в разлив не только что скворцы —
Малиновка, – уж это ли не лето!

Я видела и слышала сама,
Как в чаще растревоженного бора
Весна и лето, осень и зима
Секретные вели переговоры.

1956

«У твоей могилы вечный непокой...»

У твоей могилы вечный непокой,
Приглушенный говор суеты людской.
Что же мне осталось, ангел мой небесный!
Без тебя погибну в муке бесполезной.
Без тебя погибну в немоте железной.
Сердце истомилось смертною тоской.
Горе навалилось каменной доской.

1/VIII 56

«Мы рядом сидим...»

Мы рядом сидим.
Я лицо дорогое целую.
Я голову глажу седую.
Мне чудится возле
какая-то грозная тайна,
А ты говоришь мне,
что все в этой жизни случайно.
Смеясь, говоришь:
— Ну а как же? Конечно, случайно. —
Так было во вторник.
И вот подошло воскресенье.
Из сердца вовек не уйдет
этот холод весенний.
Тебя уже нет,
а со мною что случилось, мой милый...
Я склоняюсь над свежей твоею могилой.
Я не голову глажу седую —
Траву молодую.
Не лицо дорогое целую,
А землю сырую.

4/VIII 56

«Скажи – как жить мне, как мне жить...»

Скажи – как жить мне, как мне жить
На этом берегу?
Я не могу тебя забыть
И помнить не могу.

Я не могу тебя забыть,
Покуда вижу свет,
А там забуду, может быть,
А может быть, и нет.

А может быть, к душе душа
Приникнет в тишине,
И я воскресну не дыша,
Как вечный сон во сне.

На бездыханный берег твой
Возьми меня скорей
И красотою неживой
От жизни отогрей.

1957

«Скорей бы эти листья облетели...»

Скорей бы эти листья облетели!
Ты видел детство их. Едва-едва,
Как будто в жизни не предвидя цели,
Приоткрывалась зябкая листва —
«Плиссе-гофре», как я тогда сказала
О листиках зубчатых, и в ответ
Смеялся ты, и вот тебя не стало.
Шумит листва, тебя на свете нет,
Тебя на свете нет, и это значит,
Что света нет... А я еще жива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.